

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ УРАЛЬСКОЙ КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ В 60-Е ГГ.

Изучение истории народонаселения является неотъемлемой частью исследований исторического процесса. Разработка ряда проблем на стыке истории и демографии расширяет границы исторических работ, обогащает их источниковедческую базу, помогает определить роль и взаимодействие социально-экономических и демографических факторов в истории. Историко-демографическое изучение колхозного населения позволяет представить комплексную картину его развития.

Количественные и качественные параметры колхозного крестьянства Урала (5 областей) изменялись в 60-е гг. под влиянием дальнейшего перераспределения трудовых ресурсов между важнейшими отраслями народного хозяйства, продолжающимся преобразованием колхозов в совхозы, усилившейся миграцией трудоспособного населения из села в город. В виду того, что из сел уходила наиболее прогрессивная часть населения, еще более обострился напряженный трудовой баланс, происходили нежелательные изменения в профессиональной структуре колхозного крестьянства, его демографическом составе. Несовпадение структуры наличного, выбывающего и прибывающего населения все более усугубляло половозрастное несоответствие, что, в конечном счете, сказывалось на воспроизводстве трудовых ресурсов.

Темпы уменьшения численности колхозников уральских областей в 1959–1970 гг. (35,1%) превосходили соответствующие общесоюзные и общереспубликанские показатели (24,5 и 34,5%), а в Свердловской и Челябинской областях, обладающих высоким промышленным потенциалом, они достигли максимума (соответственно 58,3 и 59,8%). Анализ общего баланса колхозного крестьянства по данным Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг. показывает, что для Уральского региона был характерен меньший удельный вес колхозников среди всего населения (9,5% в 1970 г.) по сравнению с СССР (20,5%) и РСФСР (14,3%).

За межпереписной период наметилась устойчивая тенденция уменьшения трудоспособных членов колхозов — ключевого контингента в формировании трудовых ресурсов хозяйств. По нашим подсчетам, с начала 1959 г. по конец 1970 г. число наличных колхозных дворов сократилось в 5 уральских областях на 41,9%, численность колхозников — на 42,6%, в том числе трудоспособных — на 49,6%, из них мужчин — на 39,6%, женщин — на 56,7%. Удельный вес трудоспособных среди всего колхозного населения снизился с 45,4 до 39,8%. Одновременно произошло увеличение доли детей и подростков в возрасте до 16 лет с 36,7 до 39,4%, что имело принципиально важное значение для определения кадрового потенциала колхоза на ближайшую перспективу. Доля престарелых и взрослых нетрудоспособных выросла с 17,9 до 20,8%.

Сложившаяся на селе демографическая ситуация была неэкономична в плане возрастания трудовой нагрузки на каждого дееспособного работника. Если в 1959 г. на 100 человек трудоспособного возраста в колхозах Урала приходилось 120 человек нетрудоспособного возраста (детей и стариков), то в 1970 г. — уже 151. Чрезвычайную значимость для социально-демографического развития уральской деревни имело достижение пропорционального соотношения полов в общем объеме трудоспособных колхозников. Удельный вес мужчин среди трудоспособного населения колхозов края вырос с начала 1959 г. по конец 1970 г. с 41,8 до 50,1%, а женщин сократился с 58,2 до 49,9%. Следовательно, в 60-е гг. сельское хозяйство было в равной мере сферой приложения как мужского, так и женского труда.

Детальное исследование колхозного крестьянства предполагает анализ источников средств существования. Около 1/3 части колхозного населения в 1970 г. было занято в общественном хозяйстве Курганской, Пермской и Свердловской областей. Значительной (от 29 до 38%) была доля иждивенцев отдельных лиц. Удельный вес пенсионеров и лиц, находящихся на обеспечении государства варьировался по областям и достиг максимума на Среднем Урале (39,8%), где наиболее интенсивно происходило «старение» населения. Характерной особенностью 60-х гг. было снижение доли колхозников, занятых в личном подсобном хозяйстве. Только в Свердловской области она уменьшилась с 5% в 1959 г. до 0,9% в 1970 г. В других областях региона эта категория лиц к 70-м гг. составляла также менее 1%, то есть практически исчерпала свои возможности как резерв для пополнения работников колхозов, совхозов и местной промышленности.

Абсолютное большинство среди занятых личным подсобным хозяйством составляли женщины. В уральских колхозах на них приходилось около 93–96% работающих в своих подсобных хозяйствах. Как правило, это были многолетние женщины, а также неработающие в общественном производстве по состоянию здоровья или по причине преклонного возраста. На фоне уменьшения абсолютной численности колхозного населения уральских областей протекали основные структурные процессы, выразившиеся, во-первых, в выравнивании мужского и женского контингентов, а во-вторых, в нежелательной деформации возрастного состава за счет снижения удельного веса лиц в рабочем возрасте и возрастания — в пенсионном. Такая динамика свидетельствовала о наметившемся «старении» уральской колхозной деревни и нормализации половой структуры ее жителей.

*А.В. Антошин
(Екатеринбург)*

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ УДМУРТИИ В ТИСКАХ ДИКТАТУРЫ «ЛЕВОГО БЛОКА» В КОНЦЕ 1917 — СЕРЕДИНЕ 1918 гг.

Проблема положения предпринимателей в условиях становления Советской власти на Урале давно изучается исследователями. В советское время вопрос о национализации уральской промышленности рассматривался в работах А.П. Абрамовского, В.В. Адамова, Ю.А. Буранова, Г.Г. Гараева и других авторов. Эта проблема находилась и в центре внимания А.В. Бакунина¹. Однако до начала 1990-х гг. данный вопрос рассматривался под таким углом зрения, что в основное внимание уделялось государственной политике по отношению к уральскому бизнесу, который нередко становился ее бессловесным объектом, а сама линия поведения власти изучалась апологетически. Ситуация изменилась в 1990-е гг., когда Н.Н. Попоов, Д.В. Бугров, В.В. Московкин и другие подвергли политику красного террора резкой критике. Однако, острее этой критики постоянно направлено против большевиков, хотя, как справедливо отмечает М.И. Люхуздасв, первые полгода Советскую власть осуществлял «левый блок», в который наряду с большевиками входили и их союзники — левые эсеры, эсеры-максималисты, некоторые анархисты².

Эта ситуация хорошо иллюстрируется на примере Удмуртии. Известно, что она в социально-экономическом плане делилась на 2 района — Ижевско-Воткинский и Сарапульско-Камбарский. И в том, и в другом районах в 1917–1918 гг. было исключительно велико влияние эсеров-максималистов. Хорошо известно, что в Камбарке произошел едва ли не уникальный случай — Советская власть здесь была установлена не большевиками (организации которых к октябрю 1917 г. в заводском поселке просто не было), а эсерами-максималистами³. Под их влиянием находились и некоторые отряды Красной гвардии в населенных пунктах края. Поэтому они разделяют с большевиками ответственность за ситуацию в регионе.

К октябрю 1917 г. наиболее значительными и организованными были торгово-промышленные круги Сарапула. Их основным корпоративным объединением был Торгово-промышленный комитет, а в политическом отношении многие из местных предпринимателей примыкали к партии кадетов. Осенью 1917 г. они до конца боролись против свержения здесь структур Временного правительства: реорганизовали милицию, пожертвовали на охрану города 115 тыс. рублей и т.д.⁴ Однако их усилия не увенчались успехом, и установившаяся в городе Советская власть первой ударила именно по ним. Уже в январе 1918 г. был арестован Красной гвардией вроде бы пытавшийся скрыться крупный сарапульский купец В.Ф. Ныров, причем ордера на его арест выдано не было. Но по дороге ему удалось бежать от конвоя. Арестам подверглись и коллеги В.Ф. Нырова — С.П. Зяблицын и И.И. Бородин, но затем они были отпущены. А известного сарапульского промышленника Л.Ф. Пешехонова освободили после ходатайства рабочих его фабрики⁵.

Одной из наиболее ярких черт т.н. «красногвардейской атаки на капитал» стала политика обложения буржуазии чрезвычайными революционными налогами. На наш взгляд, необходимо подчеркнуть, что она не столько инспирировалась сверху, сколько выражала настроения рядовых красногвардейцев и руководства местных Советов. Весной 1918 г. ВСНХ неоднократно посылал на места директивы об отмене контрибуций, недопустимости самочинных реквизиций со стороны отрядов РККА. Указывалось также, что право национализировать предприятия имели только ВСНХ и СНК, а не местная власть⁶. Однако ВСНХ было крайне трудно бороться с той револю-